

Сергей Серванкос

ТРОФЕИ С ЛИТКУЛЬТА

Сборник текстов с чемпионатов ЛитКульта

ЛИТ КУЛЬТ

Сергей Серванкос
Трофеи с ЛитКульты.
Сборник текстов
с чемпионатов ЛитКульты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25723571

ISBN 9785448564772

Аннотация

В Интернете много литературных сайтов, но есть один удивительный и неповторимый – это ЛитКульт. Чем он удивителен? Тем, что творческий человек здесь может не только реально развиваться, но и стимулировать себя к творчеству. Многочисленные соревнования и конкурсы не дают скучать музам поэтов и прозаиков, попавшим в сети ЛитКульты. В этой книге собраны мои рассказы и стихи, заслуга в создании которых полностью принадлежит этому замечательному интернет-ресурсу.

Содержание

2013 год	6
Третий чемпионат прозаиков	7
1 тур	7
Глава жены	7
2 тур	12
Клетка	13
3 тур	18
Пример	18
4 тур	25
Понедельник	26
Итоги выступления в 3 чемпионате прозаиков Литкульта	30
Четвёртый чемпионат поэтов Литкульта	32
2 квалификационный тур	32
Кодекс чести	32
Итоги выступления в 4 чемпионате поэтов Литкульта	33
2014 год	35
Четвёртый чемпионат прозаиков Литкульта	37
1 квалификационный тур	37
Теория самозарождения	37
1 тур	42
Засым прощаюсь	42

2 тур	47
Искусство умирать	47
Четвертьфинал	54
Записки первого самоубийцы	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Трофеи с ЛитКульта Сборник текстов с чемпионатов ЛитКульта

Сергей Серванкос

Иллюстратор Яна Малыкина

© Сергей Серванкос, 2017

© Яна Малыкина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6477-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2013 год

Третий чемпионат прозаиков

1 тур

Победа со счётом 6:4

Тема: «Укрощение строптивого»

Глава жены

«Слово Бога живо и действительно и острее всякого обоюдоострого меча, оно проникает настолько глубоко, что разделяет душу и дух, суставы и костный мозг, и распознаёт мысли и намерения сердца.»

(Евреям 4:12)

– Нет, она меня доконает своими молитвами, вот опять этот скрежет, – Владимир испуганно залез под одеяло и замер, стараясь дышать, как можно тише. Похолодев от ужаса, он услышал скрип открывающейся двери и осторожные, но в то же время, уверенные шаги, быстро приближающиеся к старенькому потрёпанному топчану, на котором беспроблемно несло службу уже не одно поколение сторожей городского склада электрооборудования. Незванный гость навалился всем телом на, окаменевшего от страха, Петровича,

как его называли коллеги по работе, и, ухватившись за горло железной хваткой, стал монотонно душить беспомощную жертву.

– Иегова помоги! – прохрипел первое, что пришло в голову, задыхающийся сторож, и перепугано вскочил с постели, хватая воздух большими жадными глотками, словно он глубоководный ныряльщик, только что поднявшийся из пучины вод после рекордного погружения.

Потирая, всё ещё чувствующую на себе мёртвый захват, шею, Владимир прошёл по тесной сторожке к входной двери, включил свет и в ужасе заметил, что крючок был кем-то открыт:

– Что за чертовщина? Я ведь закрывался, точно помню. Так это не сон? – встревожено подумал Петрович и, быстро закрыв дверь, сел на обшарпанную лежанку, – Ну, дорогая жёнушка, спасибо! Твои молитвы услышал твой Иегова, теперь меня черти одолевают. Провались пропадом эта подработка, больше ночью дежурить ни за что не соглашусь, пусть шеф сам своё барахло охраняет!

Последние годы жизни для Владимира, электрика со стажем, были не из лёгких. Мало того, что в стране творилось неведь что, так в их привычную обыденность с Людмилой вмешалась ещё и религия. Для яркого атеиста, глупое увлечение жены, казалось, откровенной насмешкой над его взглядами и убеждениями. Многие годы они с женой жили, не думая ни о каком Боге, и, вдруг, на тебе, Он есть, давай Ему

молиться. Сначала она его в храм потащила, откуда, принявшего перед этим для храбрости Петровича, выгнал священник, почувявший сильный перегар от неверующего страждущего, да ещё осмелившегося спросить у святого отца ильфопетровское: «Почём опиум для народа?», потом, и того хуже, Людка стала изучать Библию со Свидетелями Иеговы¹, и тут её совсем понесло.

Облокотившись на колени и подперев голову руками, искоса поглядывая, на давно не крашеную, дверь, Владимир стал вспоминать, как это странное изучение влияло на его старуху, как любил он называть жену.

Однажды, после очередной полочки, когда Петровича привезли домой чуть тёплого, проснувшись утром, он обнаружил всё, что осталось от зарплаты, в кармане своих брюк. Раньше Людмила всегда добросовестно обчищала все заначки, пользуясь временной нетрудоспособностью супруга. На вопрос, что случилось, жена ответила, что больше не будет брать деньги без его разрешения, чем ввела, туго соображающего после перепоя мужа в окончательный стопор. Потом она стала просить разрешения на покупку продуктов, трусов, носков и даже туалетной бумаги. Петрович теперь был в курсе всех семейных расходов, и здоровье жены его стало сильно беспокоить. «Не пора ли психушку вызывать?» – часто проскальзывала мысль, когда Людмила подходила одобрить очередной список покупок.

¹ здесь и далее – организация, запрещенная в России

Но самое страшное было то, что она перестала ругаться матом, бросила курить и всегда просила его выходить на балкон и не дымить в доме. Также хитрая женщина ненавязчиво старалась приобщить мужа к чтению Библии. Он хорошо запомнил, как она однажды подошла к нему и ласково сказала.

– Дорогой, посмотри, я не пойму, что это значит? – воспользовавшись рекламной паузой в телепросмотре мужа, протянула открытую книгу и зачитывала очередной отрывок, – *«Итак, внимательно следите за тем, чтобы вы поступали не как люди немудрые, а как мудрые, выкупая для себя подходящее время, потому что дни злы..»*. Почему здесь дни названы злыми? И для чего надо выкупать время? Не пойму, как это выкупать время?

– Достала ты меня своей Библией, не мешай фильм смотреть! – сердито буркнул тогда Владимир и отвернулся к экрану, надрывающемуся красочными призывами купить очередную просто необходимую вещь, без которой жизнь будет прожита зря.

– Извини, дорогой! – кротко сказала Людмила и ушла, оставив открытую Библию на столе, – Посмотри, пожалуйста, когда освободишься!

Петрович хорошо помнит, как из любопытства заглянул в книгу, как только его старуха скрылась в соседней комнате. Пробежав глазами несколько строк, он вдруг понял, что текст не лишён здравого смысла, а когда прочитал: *«Жёны пусть подчиняются своим мужьям, как Господу, потому*

что муж – глава жены, как и Христос – глава собрания», удивлённо подумал:

– Неужели она из за этого стала такой покладистой? С другой стороны, дельные мысли в этой книженции записаны, – он принялся читать дальше, не заметив, что время рекламы истекло, и на экране Рембо продолжил крушить всех и вся направо и налево, – Постой, а здесь, какая-то хрень написана: *«Так и мужья должны любить своих жён, как свои тела. Любящий свою жену любит самого себя»*.

Владимир с книгой в руке вошёл на кухню, намереваясь показать несуразность прочитанной фразы.

– Слушай, как это можно любить жену, как своё тело, если я его не то что не люблю, а просто ненавижу? Как это можно любить? – ткнув пальцем в обвисший живот, Петрович смотрел на жену с видом учителя, приведшего неоспоримые доказательства своей правоты несмышленным ученикам.

– Хорошо, если ты не любишь своё тело, тогда стоняй его в магазин за хлебом, а то обедать не с чем, – спокойно сказала Людмила и продолжила чистить картошку.

– Я фильм смотрю, да и одеваться надо.

– Зачем? Сбегай так.

– Ты чё, издеваешься? На улице минус двадцать, я ж себе всё, по самое не хочу, отморожу.

– Но ты ведь не любишь своё тело, чего его тогда жалеть? – всё также спокойно сказала Людмила, бросая очередную очищенную картошину в мойку.

– Да, обула она меня тогда по полной, – вспоминал Петрович, глядя в чёрный проём невымытого окна. – А ведь она права. Себя родного я и спать уложу, и накормлю, и на тебе газетку почитай или фильмец посмотри, а Людка моя, как проклятая, целый день на работе, а потом ещё меня обслуживает. Вот она и молит своего Иегову, чтобы меня дурака образумил. Постой, а что я кричал, когда меня эта хрень душиТЬ стала?

Отступивший страх вновь прижал Владимира в своих липких объятиях. Он испуганно посмотрел на входную дверь и плотнее прижался спиной к холодной стене сторожки.

– Ведь я её Бога на помощь звал, – удивлённо вспомнил озадаченный сторож, – Выходит, он мне помог. А может, действительно, Он есть? Может Людка права? По крайней мере, хуже она не стала, а даже наоборот, опять на женщину стала похожа, – и Петрович умилённо подумал о том, в чём боялся себе признаться в последнее время, – А ведь я люблю её, мою Людочку, и она меня любит. Спасибо Тебе за это!

2 тур

Победа со счётом 6:0

Тема: «Границы открытого пространства»

Клетка

*«Если вы держитесь моего слова, то вы действительно мои ученики. Вы познаете истину, и истина освободит вас»
(Иоанна 8: 31,32 ПНМ)*

Кенар, выпятив лимонную грудь, заливался мелодичными трелями, не обращая внимания на то, что происходило в классе.

– Вот дурная птица, её заперли в клетку, а она поёт. На хозяйку похожа, – сказала высокая девица, с ярко накрашенными губами, соседке по парте, указывая на девушку, отвечающую у доски, – Постоянно взаперти, а радостная ходит, как чокнутая.

– Так она ж верующая!

– Во, во, я ж говорю – чокнутая.

– Маслицына и Гринина, прекратите разговаривать! – строго сказала учительница, постучав ручкой по столу.

После уроков две неразлучные подруги, Маслицына Вика и Гринина Рита, шли вместе с Дорониной Олей, в последнее время им очень нравилось дразнить скромную девушку, да и заняться по дороге домой больше было нечем. Они жили в соседнем подъезде со своей набожной одноклассницей.

– И охота тебе было эту клетку тащить в школу? Ты

с нею, как та тётя с ведром, – ехидно жалила улыбающуюся Олю Вика.

– Меня Мария Фёдоровна попросила принести кенара для наглядности, – не обращая внимания на издевательский тон, отвечала, не похожая на старшекласницу, девушка.

– А мы такие послушные, что, елы-палы, готовы лобик расшибить. Мне тоже Марфеда попугая просила притащить, щас, разбежалась! Тебе не надоело по правилам жить?

– Что ты имеешь в виду? – искренне не понимая, спросила Доронина.

– А то и имею, строишь из себя монашку, а самой либо уже мальчиков охота? Ведь охота? А мамка с папкой не велит. – Вика громко засмеялась и, толкнув в бок свою подружку, добавила, – Она у нас девственница, для какого-нибудь ангела с крыши себя бережёт.

– Для Карлосона с пропеллером, – подхватила мысль подружки Гринина и громко засмеялась.

Оля, ничего не отвечая, ускорила шаг, пытаясь оторваться от надоедливых попутчиц.

– И канарейку свою хоть иногда из клетки выпускай, святоша, а то загнётся она у тебя взаперти. Пусть пример с моего Кешки берёт, тот в клетку только поесть залетает, – крикнула в след удаляющейся однокласснице Маслицына и, весело смеясь, вместе с Ритой забежала в салон красоты.

– Мам, а как вы с папой познакомились? – спросила Оля,

помогая готовить ужин.

– На танцах, он меня пригласил, потом я его, после танцев он пошёл меня провожать, вот так и познакомились. А ты чего это вдруг спросила? Что-то случилось? – почуввав неладное, поинтересовалась заботливая мать.

– Да нет, так просто, интересно, – замялась смущённая дочь.

– Я же вижу, что что-то случилось, скажи, может смогу помочь, – ласково сказала Доронина старшая и нежно обняла свою кровинушку, как любяще она называла единственного ребёнка.

– Не знаю, как об этом сказать.

– Говори как-нибудь, я постараюсь понять.

– Хотеть, чтобы тебя любили это хорошо или плохо? – после небольшого раздумья выдавила из себя Оля, давно не дававшую покоя мысль.

– Ты имеешь в виду любовь мужчин? – стараясь понять дочь, уточнила, ожидавшая этого разговора, обеспокоенная мать.

– Да.

– А ты, как сама думаешь?

– Я думаю, что Бог не случайно создал и мужчину и женщину, и сказал, что они станут одной плотью, значит, люди должны жить парами. Но почему, так трудно контролировать свои желания?

– Что ты имеешь в виду?

– Мне порой кажется, что мои одноклассницы более свободные и более счастливые, чем я, они весело проводят время и ни в чём себе не отказывают. А я, слушаясь Бога, нахожусь под постоянным прессингом, боясь обидеть Его неверным шагом.

– Так разве это плохо? Ведь Бог запрещает тебе только то, что может принести боль и страдания, Он хочет, как любой любящий родитель, чтобы ты была счастлива. Однажды ты встретишь того, с кем вы станете одной плотью, и то, что ты сохранишь себя в чистоте, во многом поспособствует вашему счастью.

Учебный год стремительно бежал к финишу. Приближающиеся выпускные экзамены, так или иначе, заставляли говорить о себе и с тревогой поглядывать на календарь, на котором дни таяли, как мартовский снег под лучами весеннего солнца.

– Мария Фёдоровна, а почему Вики уже целую неделю нет в школе? Она заболела? – обеспокоенно спросила Доронина любимого классного руководителя.

– Не знаю, Оленька, я ей звонила, но она не берёт трубку, и с родителями не могу связаться, думаю, на выходных зайти к ним, узнать, в чём дело.

После уроков Оля, подойдя к своему подъезду, остановилась, потом направилась в соседнюю дверь, поднявшись

на второй этаж, она позвонила в квартиру Маслицыных.

– Тебе чего? – неприятливо буркнула Вика, открыв входную дверь.

– Здравствуй! Тебя уже неделю нет в школе, вот решила проведать, думала, не заболела ли ты?

– Не дождёшься! Я в порядке, так, что катись к своей канарейке, – грубо сказала хозяйка и неожиданно заплакала, не закрывая дверь, она уткнулась в висевшее на вешалке пальто и безутешно зарыдала.

– Вика, ты чего? Успокойся, у тебя что-то случилось? – Оля обняла плачущую девушку за плечо.

– Отстань, святоша! – скинув руку гостыи с плеча и продолжая всхлипывать, она истерично прокричала, – Можешь порадоваться, залетела я, не понимаешь? Беременная я, тебе в клетке хорошо, святоша, а мне, что теперь делать? Как жить?

Выслушав ещё несколько не лестных слов и в адрес всех живущих на земле, Оля, заметив, что одноклассница, выговорившись, немного утихла, по-доброму сказала:

– Во-первых, надо успокоиться, чтобы ещё чего-нибудь не натворить, а во-вторых, ты родителям сказала?

– Ты в своём уме? Они же меня четвертуют.

– Они тебя любят и обязательно помогут. Поговори со своей мамой.

Потом они долго ещё сидели на кухне и оживлённо разговаривали, когда хлопнула входная дверь, возвещая о прихо-

де Викиной матери, Оля стала прощаться, подбадривая испуганную девушку не откладывая важный разговор в долгий ящик.

– Спасибо тебе, святоша! – обняв, не ожидавшую такой нежности, одноклассницу, и, закрывая дверь, с грустной улыбкой добавила, – А канарейку из клетки не выпускай, моего Кешку кот сожрал.

3 тур

Проиграл будущему чемпиону 1:10

Тема: «Игра в классику»

Пример

«А всё написанное прежде было написано для нашего наставления, чтобы благодаря нашей стойкости и утешению из Писаний мы имели надежду»

(Римлянам 15:4)

Виктор, пятнадцатилетний подросток с курчавой темно-каштановой головой и слегка оттопыренными ушами, услышав очередной призыв отца, неохотно выключил компьютер и, взяв со стола Библию, направился в гостиную, сегодня была среда, а это время семейного поклонения. Он очень любил подобные вечера, ведь, папа и мама всегда бы-

ли дома вместе, и они могли наслаждаться благотворным общением. Когда он был маленьким, родители часто придумывали разные способы, чтобы интересно и полезно проводить изучение, поэтому ребёнку, чувствующавшему на себе любовь и заботу, было легко полюбить, казалось бы, совсем не детское занятие.

– Пап, на встречах собрания и в наших публикациях часто слышу и вижу призыв размышлять над прочитанным, а что это такое, я, что-то, так и не пойму? – спросил отца курносый подросток со сверкающими любознательными глазами, заходя в комнату, где его уже ждали родители.

– Но ведь, хоть какое-то представление у тебя есть по этому вопросу? – спросил, сдерживающий недовольство в связи с опозданием сына, Игорь – крепкий мужчина лет сорока, – Как ты сам бы объяснил?

– Ну, я думаю, – Виктор сморщился, словно раскусил сочный лимон, и после небольшой паузы выдавил из себя, – Это, как в школе, Вероника Андреевна перед сочинением объясняет: «Классика, ребята, требует уважения, читая её надо размышлять, вживаться в образ героев, думать, как они, жить, как они и т. д. и т.п.»

– Вероника Андреевна здорово объяснила и что тебе не понятно? – глава семейства начинал раздражаться, но, почувствовав прикосновение тёплой ладони жены, более спокойно добавил, – Хорошо, сейчас у нас семейное изучение Библии, так что давай на практике попробуем разобраться,

что же это такое, и с чем его едят.

После совместной молитвы, Игорь, посмотрев на жену Веру, маленькую, хрупкую женщину с копной рыжих, хорошо уложенных, волос, сказал:

– Поскольку наш Витюшка задал вопрос, давайте немного изменим привычный порядок и начнём сегодня с чтения Библии, ты не возражаешь, Верочка?

– Нет.

– А ты? – повернувшись к сыну, спросил Игорь, и, увидев вращательные движения головой, продолжил, – Ты говоришь, учительница по русскому на классике объясняла? Мы тоже сегодня на классике поучимся размышлять.

– Это как же, мы ведь Библию собрались читать? – удивлённо спросил Витя, уже открыв свою книгу на нужной странице, – Вот, по графику семейного чтения у нас сегодня Лука, четвёртая глава.

– Замечательно, литераторы учатся на своей классике, а для христиан классический образец для подражания кто?

– Иисус, – уверено сказал Виктор.

– Точно, помните, в первом послании Петра, во второй главе, в двадцать первом стихе сказано: *«А вы к тому и призваны, потому что сам Христос пострадал за вас, оставив вам пример, чтобы вы следовали точно по его стопам»*. Получается, христианин это не тот, кто себя таковым называет, а тот, кто подражает Христу, следуя его примеру. Так что, сейчас читая Библию, давайте представим себя на месте

главных героев и поразмышляем, что они чувствовали, что видели, о чём думали. Четвёртая глава начинается с описания искушения Иисуса Сатаной, пусть я буду Сатаной, ты, Вить, Иисусом, а мама будет читать за автора. Итак, вперёд, садимся в машину времени и в первый век, в Палестину!

Горячий воздух обжигал пересохшие губы, Иисус увидел сверкающий кристальной чистотой ручеёк и направился к нему. Невысокие кустарники и редкие деревья не могли укрыть от палящего солнца, каменистая почва упиралась в подошвы сандалий горячими боками гладких валунов. Поднявшись к одинокому инжиру, где жидкая тень от дерева могла хоть немного укрыть одинокого путника, Иисус, наклонился к воде, и стал жадно пить, ощущая, как по телу растекается живительная благодать и радость.

Шёл сороковой день его нахождения в этой пустынной местности, где кроме диких зверей, казалось бы, никогда никто не жил. Ощущение полного отсутствия людей не покидало Иисуса всё это время, но он не чувствовал одиночества, поскольку был теперь полностью уверен, что Отец рядом. Он вспомнил всё: миллиарды лет жизни рядом с Ним, многочисленных братьев, создание Вселенной и как они все вместе с нетерпением ждали появления человека, как Отец готовил им постоянные приятные сюрпризы, как помогал осознать, насколько она прекрасна – вечная жизнь!

Напившись, и устроившись поудобнее на камне, в ласко-

вой тени одинокого дерева, Иисус вдруг сильно захотел есть, за сорок дней чувство голода практически исчезло, он хорошо усвоил насколько важно беречь энергию, поэтому передвигаясь по пустыне, делал это предельно осторожно и редко. Выбрав подходящее место, он подолгу оставался там, размышляя о предстоящем служении и вспоминая наставления Отца, главным критерием выбора места было наличие воды и отсутствие чего бы то ни было или кого бы то ни было способного отвлечь от важных размышлений. Но сейчас, мысль о еде стала затмевать разум, желание утолить голод становилось всё сильнее и сильнее. Силы стали покидать утомлённого путника и появление незнакомца с камнем в руке могло показаться проявлением голодного умопомрачения.

– Если ты сын Бога, вели этому камню стать хлебом, – сказал Сатана, стараясь вложить в призыв отеческую заботу, но сарказм, исходящий из сердца, оказался сильнее.

Иисус, продолжая бороться с ощущением голода, вдруг ясно осознал, что знает стоящего перед ним незнакомца и понял, что его предложение весьма заманчиво, ведь Отец сделает всё, если его попросить, а менять химическую структуру предметов любой ангел может с рождения. Смущало только то, что самолюбивый братец вдруг стал таким заботливым.

«Он явно хочет, чтобы я сосредоточил своё внимание на себе и отвлёкся от того, что намного важнее моих предпочтений» – думал Иисус, глядя на протянутый камень, сильно

напоминающий кусок аппетитного хлеба.

– Написано: «Не только хлебом должен жить человек» – ответил он на заманчивый призыв и, отвернувшись, отстранил протянутый камень своей ладонью.

– Ладно, не хочешь есть, давай прокатимся, – Сатана отбросив камень, схватил Иисуса за протянутую руку и быстро перенёс на ближайшую вершину горы, – Смотри!

Перед изумлённым Иисусом открылось грандиозное зрелище. Земля словно вывернулась наизнанку, то, что было невообразимо далеко, лежало совсем рядом, как на ладони: Рим, сверкающий мраморными колоннами и огромными амфитеатрами, Египет, с поражающими воображение пирамидами, и Афины, с неповторимыми величественными храмами и стадионами, большие корабли и могущественные армии, ломящиеся от драгоценностей сокровищницы дворцов, прекраснейшие из женщин и огромное количество людей разных национальностей, покорно склонившие головы. Яркие краски и красивая музыка усиливали впечатление от увиденного.

– Я дам тебе всю власть над ними и их славу, потому что эта власть отдана мне, и я даю её, кому хочу. Итак, если ты поклонись мне, всё это будет твоим, – гордо произнёс Сатана, указывая рукой в сторону ослепительного видения.

«Правя миром, я бы смог многое поменять, по крайней мере, не допустил бы такого разгула насилия, безнравственности и несправедливости, – мысли с калейдоскопиче-

ской скоростью мелькали в голове, впечатлённого увиденным, Иисуса, – Но, Отец, вряд ли одобрит мою самостоятельность, ведь для прощения людей тогда не будет основания, они так и останутся проданными в рабство греха и смерти. Нет, сейчас не время править, моя главная задача принести совершенную жизнь в качестве выкупа, а правит пусть пока Сатана – это его время»

– Написано: «Поклоняйся твоему Богу Иегове и только ему совершай священное служение, – решительно сказал Иисус и отвернулся от притягивающего и завораживающего зрелища.

– Хочешь сказать, что хорошо знаешь Писания? – гневно сказал Сатана и, схватив Иисуса за руку, понёс его в сторону Иерусалима, – Я тоже хорошо их знаю.

Поставив его на стене, окружающей храм, он, с липкой, слащавой издёвкой, процедил:

– Если ты сын Бога, бросься отсюда вниз, ведь написано: «Даст своим ангелам повеление о тебе, чтобы они оберегали тебя» и «Они понесут тебя на руках, чтобы ты не ударился ногой о камень»

Горячий ветер развивал густые волосы Иисуса, сердито трепал бороду, далеко внизу груды камней не сулили ничего хорошего простому смертному. «Но ведь я не простой, – думал Иисус, глядя вниз, – Действительно, если прыгнуть, Отец может спасти меня, а это будет неопровержимым доказательством Его поддержки и те тысячи людей, что сей-

час смотрят на нас с храмовой площади получают крепкое основание для веры в меня, как Мессию. Но, поможет ли это представление изменить настрой их сердец? Впечатляющий, но бессмысленный риск, уверен, что Отцу он не понравится».

– Сказано: «Не испытывай твоего Бога Иегову»

– Ладно, папенькин любимчик, мы ещё встретимся, гуляй пока, – скривив злобную гримасу, Сатана исчез также неожиданно, как и появился.

– Круто! – воскликнул Виктор, когда они закончили читать, – Правда, это так интересно, представлять себя на месте Иисуса. Спасибо, пап, твои объяснения и наводящие вопросы очень сильно помогли понять, что он мог думать в это время и почему так отвечал Сатане. Мне понравилось играть в классику, давайте в следующую среду ещё разок на машине времени прокатимся!

– Хорошо, а сейчас почитаем про носорога, ведь наблюдая за творениями нашего Создателя тоже можно многому научиться, – сказал глава семейства, и открыл красочный журнал на выбранной заранее статье.

4 тур

Проиграл и выбыл из турнира 3:4

Тема: «Бедро испуганной нимфы»

Понедельник

*«Лукаво сердце [человеческое] более всего
и крайне испорчено; кто узнает его?»
(Иеремия 17:9)*

– Здравствуй, дорогой читатель! Надеюсь, ты меня узнал, несмотря на измененный ник.

– Ну вот, первые признаки мании величия, кто ты такой или такая, чтобы тебя узнавать? Провалил (ла) третий тур, а туда же в узнаваемые прозаики рвёшься, писать сначала научись, лапотник (ца)!

– Не обращай внимания, мой преданный читатель, в каждом есть противоречия и с этим как-то надо жить. Разум твердит одно, а сердце своё. Так о чём это я, ну, да, очередная тема, будь она не ладна! Спасибо, многоуважаемая miss_Jul, за удар ниже пояса, а если я дама, разве так можно?

– Чего ты тут развыступался (ась), скажи спасибо, что «секс – всему голова» или какойнибудь «голубой стриптиз качается» не достался, и что у miss_Jul на баллончиках от лака вполне приличные темы написаны.

– Спасибо! Но всё равно, как мне, верующему человеку писать о языческих нимфах, да ещё о женском бедре, ума не приложу?

– Что ты паришься, напиши про Аполлона и Дафну, как он бедную девственницу до одеревенения запугал. Красивая

история, тут тебе: и нимфа, и испуганная, и с бёдрами полный порядок, раз такому красавцу понравилась.

– Нет, Vifaniya сразу забракует за примитивное раскрытие темы, просто так потерять голос любимого критика, даже не попытавшись зацепить её сердце?! Да, и ты в своём уме, писать о языческих богах, меня мой Бог просто не поймёт!

– Тогда предлагаю вымышленную историю. Например, тот же Аполлон, но уже в наши дни соблазняет невинную, глубоко верующую, девушку, а она мечется между любовью и между своим Богом. Насчёт психологической драматургии и накала страстей простор для творчества, роман можно написать.

– Уже написали задолго до меня и не один, твой простор пахан, перепахан вдоль и поперёк. Эта тема умерла под паровозом вместе с Анной Карениной. Я, хотя и похож (а), бываю на сумасшедшего (ую), но вполне в своём уме, и не хочу, как она свою жизнь прозаика под локомотив Льва Николаевича бросать.

– Да тебе не угодишь, и это тебе не так, и то не нравится, сам (а) думай, раз такой (ая) умный (ая)!

– А, что если написать, как я ждал (а) этого понедельника, как надеялся (ась) получить нормальную тему, а тут такой облом?

– Да пиши, что хочешь, только не так, как в прошлый раз.

– Хочу написать монолог. Посоветуй от мужского или от женского лица писать, я, что-то с ориентацией никак

не определюсь?

– Пиши от мужского, какая из тебя женщина, ты на себя в зеркало смотрело?

Почему я люблю понедельники? Видимо, потому что это, по сути, единственный день недели, когда я могу побыть по настоящему свободным, заняться тем, чем мне хочется...

Кого я обманываю, что я кошка что ли, это она всегда делает то, что хочет. Попробуй, заставь сытую кошку гоняться за мышью, да хоть пять ассамблей ООН собери, и все армии мира на неё натрави, пока не захочет, за мышью не побежит. Ну, а человек – венец творения, на работу идти не хочет, а плетётся, как кролик в пасть удава. А ещё есть слово – «долг», которое понять может только человек, да и то далеко не каждый.

Короче, в понедельник я наиболее свободен от всяких долгов. Хотя с утра исполнил один, это видимо чуть ли не единственный из всех долгов, который приносит хорошие дивиденды в виде отличного настроения и крепких семейных уз.

Потом время полезных привычек, таких, как чистка зубов и чтение Библии по утрам. После завтрака и проводов ненаглядной жёнушки на работу, наступает он – мой любимый понедельник, который, в отличие от жителей невезучего острова, я бы никогда не хотел отменять.

Понедельник 1 апреля ждал с удвоенным нетерпением, ведь достопочтимая miss_Jul, наверняка, думал я, не спала

эту ночь, рассылая новые задания на четвёртый тур. И вот сейчас, после полезных привычек, наконец-то, погружусь в бескрайний океан творчества, и буду плескаться во вдохновении, любуясь заоблачным полётом фантазии.

Но, зайдя на Литкульт, в первый раз разочаровался в новом главном редакторе, видимо, если она и не спала эту ночь, то явно не в компании с компьютером. Придётся менять свои планы, ой, как я этого не люблю, особенно по понедельникам!

Океан то, уже манит, и фантазии летают, осталось бухнуться в приятные воды вдохновения и что-нибудь сочинить. А тут тему зажали, придётся доставать из заначки. Давно хотел написать о Ное, о хорошем отце и, непонятом окружающими, добром человеке, которого все считали дурачком, а оказались сами таковыми. Итак, бултых в приятные воды творения чего-то нового или хорошо забытого старого, поплыли!

Вволю накупавшись в творческом заливе, решил посмотреть футбол, так как miss_Jul, разочаровала меня вторично, или отсыпаясь после ночи не с компьютером, либо уйдя на, хорошо если любимую, работу, ведь для неё понедельник может быть и не столь желанный, как для меня.

– Эй, только не надо про футбол, а то ianeporтер сопернику голос отдаст, она ещё далека от футбольного фанатизма, а так хоть какой-то шансик есть.

(Сцена про футбол вырезана цензурой, заодно обед и рас-

кладывание пасьянсов в ожидании хороших вестей от главного редактора)

Вечер. За окном тускнеет сияние весеннего солнышка, а в доме разгораются энергосберегающие лампочки. Понедельник тает, как мартовский снег под напором горячего светила, и вот оно свершилось! Пришло письмо от miss_Jul! Читаю: «Бедро испуганной нимфы», лучше бы оно не приходило, подбираю эпитеты для главного редактора, но воспитанность не позволяет их вспомнить.

Как я буду про это писать?!

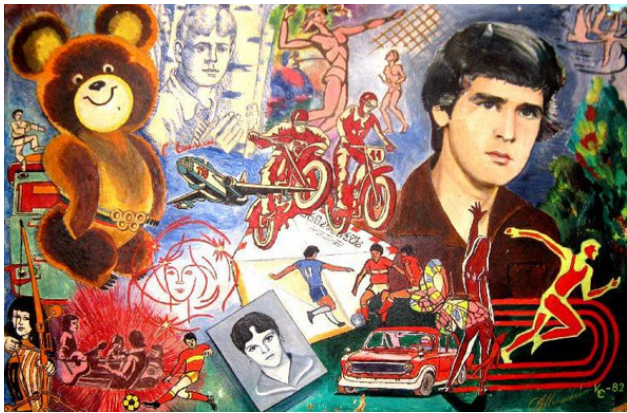
Что было дальше, ты уже знаешь, мой дорогой читатель, если конечно не начал читать мой монолог с этого абзаца или с предыдущего.

Да, чуть не забыл (а), настучи пару полезных советов, как писать, чтобы тебя дочитывали до конца?

– Кому ты нужен (на), горе – писатель (нища)?!

Итоги выступления в 3 чемпионате прозаиков Литкульта

участников	место	игр	выиграно	проиграно	голоса
26	13	4	2	2	16-18

Четвёртый чемпионат поэтов Литкульта

2 квалификационный тур

Проиграл и выбыл из турнира 3:14

Тема: «Кодекс чести»

Кодекс чести

На Флоте ценится честь, и знает моряк с пелёнок:
смелый альбатрос над холодным бушующим морем,
даже, если луч надежды, как соломинка тонок,
безудержно мчится навстречу пылающим зорям.

Капитан сквозь, рвущую в клочья, бурю, как птица,
когда в пугающей бездне затаились дельфины,
команду криком зовёт к жизни и солнцу стремится,
не прячьась, как вор, за матросов широкие спины.

На крыльях ветра его призыв уверен и звонок:
«Остаться в живых, а заветного счастья не надо!»
На корабле помнит любой, если он не ребёнок:
надо честь сохранить до последнего вздоха и взгляда!

Итоги выступления в 4 чемпионате поэтов Литкульта

участников	место	игр	выиграно	проиграно	голоса
66	29	1	0	1	3-14

2014 год

Четвёртый чемпионат прозаиков Литкульта

1 квалификационный тур

Тема: «Теория самозарождения»

Победил со счётом 9:2, 3 против всех.

Теория самозарождения

В начале Ничего не было, даже самого начала не было. Потом появилось Ничего и стало думать, а поскольку думать было нечем, ведь у Ничего ничего не было, то додумалось оно до малого взрыва или пука (кому как нравится).

После этого у Ничего появился Никто и на пару они уже додумались, а думать им по-прежнему было нечем, до большого взрыва. Что и как они взорвали, ты, уж, дорогой читатель, не обессудь – наука до сих пор умалчивает, только в результате этого, уже большого, взрыва появилось Что-то.

– Ура, у нас Что-то получилось! – воскликнуло Ничто и попыталось обнять Никого, но оказалось, что обниматься нечем.

– Я всегда знал, что у нас Что-то получится, – сказал Никто, отбиваясь от ничтожных объятий.

– Давай, теперь взорвём Что-то, может появится Кто-то, – ничем додумалось Ничто и, видимо, опять как-то Что-то взорвало, потом ещё, ещё и ещё.

Первый салют по случаю научной победы длился несколько миллиардов лет. Взорванное Что-то разлетелось по Ничему и Некому, теперь его было очень много, но Кто-то не получался.

– Нет, так дело не пойдёт! – Устало сказала Ничто. – Мне уже взрывать нечем, да и не было никогда, а Кто-то не выходит. Давай, слепим Что-то обратно, а то стало Что-то непонятным.

– Главное, что Что-то есть, а понятия потом придумаем, когда будет чем думать, – сказал Никто, подозрительно глядя на Ничего, боясь, что оно опять кинется обниматься.

Лепить пришлось долго, так как нечем это было делать, да и не за чем. В итоге слепили небеса и землю, опять же, чем и как – данные засекречены.

– Что-то эта земля какая-то никакая, – возмутилось Ничто.

– Зато мокрая, – подытожил Никто и спросил, – Кстати, это не твоя ли работа? Кто всю землю обмочил?

– Никто.

– Я не мочил.

– Значит: сама обмочилась при спаривании осколков Чего-то, – сделало первое научное открытие Ничто.

– Ты само додумалось или подсказал кто-то?

– Какой Кто-то, у нас пока только Что-то, да и то не знаю где. Включи свет, не видно ведь ничего.

– Так тебе смотреть нечем, зачем тебе свет? – удивился Никто.

– Ты включи, а чем смотреть это моя забота не твоя.

– Пусть будет свет, – сказал Никто и включил свет, как и где – засекречено.

– О, смотри – Земля! – воскликнуло Ничто, указывая ничем в сторону шарика покрытого водой.

– Нечем мне смотреть, я ведь никто, ты, что забыло? – возмутился Никто.

– Так и мне нечем, но я же смотрю им.

– И, правда, Земля! – удивился прозревший Никто, – Слушай, а откуда она появилась? Неужели это мы с тобой взрывали?

– Сам удивляюсь, видимо так. А может, она сама додумалась до этого.

– И чем же она додумалась?

– Да, тем же, чем и мы с тобой, нам ведь думать нечем, а думаем, – сделало второе научное открытие Ничто.

– Слушай, так пусть она сама и делает Кого-то, зачем нам думать, ведь думать всё равно нечем.

– Твоё Нечем неплохо соображает, давай так поступим, тогда и думать больше не надо будет, ведь всё равно нечем.

И обнявшись ничем, друзья удалились, оставив Землю одну посреди бескрайнего космоса.

– Эй, вы куда? – крикнула вслед им Земля, но её Ничто и Никто не услышали, ведь и слушать им тоже было нечем.

«Так и придётся всё делать самой» – подумала Земля обоими полушариями и взялась за создание атмосферы, а то неспаренные осколки Чего-то больно били по полушариям, а зонтики ещё не изобрели, ведь Кто-то ещё не появился, а сама Земля изобретать не умела.

Быстро книга пишется, но не быстро эволюция движется. Пролетели миллиарды лет, Земля сотрясалась, дымила, крутилась, думала недумаящими полушариями, в итоге атмосфера появилась, и неспаренные осколки Чего-то стали в ней сгорать.

«Хорошо! – вздохнула Земля и, помолчав пару миллионов лет, вдруг подумала, – Надоело мокрой быть! Хочу просохнуть!»

Опять она закрутилась, затряслась и выдавила из воды сушу, на неё свалился остаток недогоревшего осколка Чего-то и подумал подпаленным ничем: «Чего зазря валяться, дай-ка я чем-нибудь прорасту». И пошло, поехало: мхи, лишайники, кустики, деревья, так до баобабов и добрались.

А баобабы тоже не дураки: в атмосфере паров не меряно, солнца не видать, хлорофилла не хватает, поэтому они давай ветками махать и тучи разгонять. Миллиарды лет махали и не зря, стало небо синим и прозрачным, звёзды стало видно с земли, луну и солнце. Красота!

Красота тоже была не лыком шита, подумала ничем и раз-

рисовала всё вокруг в разные краски.

«Жаль, что меня никто не видит» – подумала Красота и стала к Воде приставать:

– Выведи мне Кого-то, чтобы видел.

Вода призадумалась водородом с кислородом и забурлила. Миллиарды лет бурлила, в итоге Кто-то появился – он, правда, ничего не видел и думал, по-прежнему, ничем, но это не помешало переродить ему себя в инфузорию и запустить такое, что Кому-то даже не снилось: моллюски, рачки, рыбки и рыбища, тюлени и киты. Некоторые из них за миллиарды лет так наплавались, что стали из воды выпрыгивать, летят они над водой и так им хорошо, что решили они обратно не возвращаться, стали усиленно плавниками махать, миллиарды лет махали, пока те перьями не обросли. Так появились птицы.

Птицы тоже полетали пару миллиардов лет и на землю, перья повыщипывали, лапы с когтями отрасли, зубами обзавелись. Стали леса и поля делить. Самые умные на деревьях полезли, а потом обратно. Так до человека и добрались.

Быстро книга пишется, но не быстро эволюция движется. Через много, много миллиардов лет человек научился писать и придумал Бога, хотя теперь и думать вроде было чем, и смотреть было чем, и слушать было чем, и обниматься.

1 тур

Тема: «Засым прощаюсь»

Проиграл Роману Земцову 6:7, против всех никто не голосовал, дуэль была признана лучшей в туре, в итоге я был отобран читателями в утешительном голосовании и вышел в следующий круг.

Засым прощаюсь

Костёр потрескивал, притягивая взор к завораживающему танцу пламени. Искры, словно ночные светлячки плавно возносились ввысь и таяли в чёрной пасти ночи. Я отвёл взгляд от чарующего зрелища и посмотрел на призрачный силуэт небольшого посёлка, расположенного рядом с нашим временным пристанищем. Тусклые огоньки двух или трёх ещё обитаемых домишек этого Богом забытого места, да и людьми тоже, смотрелись жалким подобием свечения на фоне разгорающегося сияния звёздного неба.

Тысячи сверкающих, как бриллианты, маленьких огоньков, словно вырвавшиеся на свободу крохотные искорки костра, наконец-то нашли своё место на великолепном полотне мироздания. Я невольно залюбовался пленительной красотой бездонного ночного неба, горящего несчитанным множеством огней, видимо там жизни больше, чем здесь на Зем-

ле, сиротливо мерцающей парой непотушенных окон.

Неделей ранее мы приехали на хутор Засым, затерявшийся на побережье великой Волги, в надежде хорошо порыбачить. Надежды нас не обманули, рыбалка была великолепной. Огромные щуки, несколько не менее увесистых сазанов и сомов, и несчитанное число окуней, плотвы и прочей чешуйчатоплавниковой мелочи – полностью утолили годовалый голод рыболовов-любителей, вырвавшихся из городских джунглей на заслуженный отдых.

Засым встретил нас перекошенными заборами и заросшими бурьяном дворами. Кряжистые дубы неприветливо махали могучими ветвями, поскрипывая под напором жгучего астраханского ветра. Невольно приходило на ум, что вот-вот из выбитых глазниц оконных проёмов полезут вурдалаки или другая нечисть.

Внедорожник Дрона, Костюхина Андрея – моего друга детства, чуть слышно шуршал по пыльным колдобинам убогого посёлка, привлекая внимание одиноких старушек, сидящих возле завалившихся плетней на низеньких скамейках. Другой мой закадычный товарищ – Беляков Пашка, ныне Павел Егорович, кандидат биологических наук, лауреат и так далее, и тому подобное, сидел рядом с Дроном и настойчиво тыкал пальцем в карту, которая лежала перед ним на панели.

Уже не первый год мы приезжаем в эти места порыбачить. Подъехав к единственному кирпичному дому, Дрон остано-

вил машину и посигналил. Не прошло и минуты, на пороге появился егерь Митрич, так его звали по всей округе. Он был крепкого телосложения, лет шестидесяти, с пышной седой шевелюрой и густыми чёрными усами. Глядя на него, я подумал, что годы не властны над Митричем, всё такой же удалой казак. Помощь опытного рыбака для нас городских чайников была просто неоценима.

Именно поэтому Митрич сейчас сидел с нами возле костра и аппетитно хлебал, им же приготовленную, прощальную уху. Завтра мы возвращаемся в город, опять запрыгнем на карусель под названием «нормальная жизнь», и вперед: работа, семья, редкие выходные, телефонные и скайповые свидания, редкие корпоративы и другие праздники, и так до следующего Засыма.

– Слушай, Митрич, а почему у вашего хутора такое странное название? – задал я давно мучивший вопрос.

– Да это черкес или чечен, короче кавказец, у нас здесь был, ещё при Сталине, стало быть. Говорят, семью от кровников прятал в нашей глуши, тутача тогда никто и не жил толком, а он построил дома: себе и сыновьям, стало быть. Вот хутор и прозвали Засым – его так звали, стало быть.

– И что, никого из его семьи не осталось? – спросил Паша.

– Либо нашли его черкесы и замочили всю семью, – предположил Дрон. – Да нет. Уехали они. Не так давно, как тут пошла разруха, так и укатили к себе на Кавказ, стало быть. Рыба – где поглубже, а человек – где получше, стало быть. –

Слушай, Митрич, а ты чего из этой глуши не свалил? – спросил Дрон. – Нравится мне здесь, привык уже, стало быть, – втянув грудь свежий ночной воздух, сказал егерь и, посмотрев в сторону Волги, добавил – Не смогу я без этой красы жить, да и куды мне уж бегать, жить с Гулькин нос осталось. Тутача помереть хочу, стало быть. – Не прибедняйся, дед, ты ещё нас всех переживёшь, – засмеялся Дрон и протянул бутылку водки, наливая всем очередную порцию. – Давайте за долголетие! – Дай то, Бог, и вам того же! – сказал Митрич и залпом выпил. – А Вы, Дмитрий Дмитриевич, что же, в Бога верите? – спросил Пашка, закусывая огурцом выпитую водку. – Так, как же, мил человек, не верить? Ведь вон оно гляди, какое чудо вокруг. Звёздочки – одна к одной, стало быть. А Солнце, ты знаешь, что если его кусочек в печь положить, всего-то крохотульку, то за сто вёрст к печке той не подойдёшь – спалишься, стало быть. – Ну и что звёзды? Эволюция ещё не то создаст. – Не знаю, как там твоя эволюция, а вот то, что над всем этим Голова поработала – это точно! Это надо же такую махину сварганить! – Митрич поднял голову и, приоткрыв рот, посмотрел на Млечный путь, раскинувший звёздное коромысло прямо над нашим лагерем. – Разве могло это всё, не подумавши родиться? Нет, мил человек, ты можешь верить во что хошь, а я буду в Бога, стало быть. – А откуда, Митрич, такие познания о Солнце? – спросил я. – Прочитал в одной книженции. К нам раз в месяц божьи люди приезжают из району, вот они и привозят раз-

ные книжки, журналчики, там, стало быть, и читаю, – расправляя усы, сказал егерь. – Это не сектанты ли за тебя взяли? – сказал я, сразу вспомнив надоедливых бабулек, которые постоянно достают в городе своими вопросами. – Смотри, Митрич, оставят тебя без штанов! – Не знаю, сектанты они или нет, но, что люди хорошие это точно. – Егерь поправил ворот камуфлированной штормовки и продолжил, – какой дурак в нашу глушь за наживой поедет, только больной на всю голову. Стало быть, у них другой интерес. Сюда больше бензину сожжёшь, чем со всего хутора грошей соберёшь, стало быть. – Так, говорите: «Есть Бог», Дмитрий Дмитриевич? – Вновь Паша вернулся к начатому разговору. – Есть, стало быть. – Тогда чего же он за порядком на Земле не следит? Почему дети умирают, а подонки живут? Почему в мире столько несправедливости и горя? – Выпалил Пашка мучившие его вопросы, уверенный, что ответов он не услышит. Митрич спокойно погладил усы, усмехнулся и сказал: – Хорошие вопросы задаёшь. А читал, что в Библии сказано? – Библию читал, ответов только не нашёл. – Плохо, стало быть, искал. Там Бог обещает всё поправить, а пока люди под дудку Дьявола пляшут, стало быть. Каков хозяин – такова и жизнь, стало быть. – Э, хорош о Боге! А то передерёмся, – замахал я руками и, обращаясь к притихшему Дрону, сказал, – Наливай! За солидарность и рыбалку давайте выпьем!

Мы выпили ещё по одной и принялись закусывать ароматной ухой. Искры от костра уносились в небо, превраща-

ясь в яркие звёзды. На хуторе лаял неугомонный пёс, а где-то рядом стрекотал сверчок. Мрачный силуэт Засыма слева от нас и сверкающая гладь Волги справа, коромысло Млечного пути над головой и чародей – костёр, потрескивая, продолжал плясать рыжими всполохами на лицах моих друзей.

Мне было хорошо, как в далёком детстве, когда зимними вечерами, сидя на руках отца, я слушал сказки, а рядом потрескивал огонь в печке, и жизнь была счастливой и беззаботной. Жаль, что завтра эта благодать исчезнет, а нас опять понесёт по пыльным ухабам, мимо всего этого, не давая остановиться и вспомнить Засым, забытый Богом и людьми уголком, где жизнь отдыхает от бега.

2 тур

Тема: «Искусство умирать»

Историческая победа со счётом 5:3 (против всех проголосовали трое) над самим Рендомом, а точнее над Джером К. Джеромом, поскольку рассказ был плагиатом великого автора.

Искусство умирать

Гвардии прапорщик Костенко тяжело брёл через выливанный до блеска плац, пугающий безжизненной пустотой. Июньский балтийский вечер душил липкой, влажной духо-

тою и неослабевающим свечением солнца, где-то застрявшего возле горизонта. Белые ночи были в самом разгаре, поэтому, только глядя на часы можно понять, что сейчас скорее ночь, чем вечер. День выдался ужасным: дома ремонт никак не закончится, жена постоянно ворчит, дочка заболела, а тут ещё на службе одна проблема за другой.

«Достала эта чёрная романтика, – возмущённо думал прапорщик, понуро глядя на короткие хромовые сапоги, невесело цокающие по асфальту. – Этот зам комбрига просто самодур! Видите ли, не так к нему обратился! „Ваше Величество“ забыл сказать! Подумаешь, к званию „гвардии“ не добавил, разве за это с наряда снимают?»

Белая тишина ночи успокаивала далёким шумом моря и стрекотанием сверчков, но, вспомнив о недавней встрече с начальством, Костенко опять учащённо задышал. Не поднимая головы, он добрёл до края огромного плаца и остановился возле бетонного стенда в виде развевающегося знамени. «Наша гордость» – гласила броская надпись, под которой в серебристых рамках выстроились фотографии мужчин в чёрной форме морской пехоты. Поправив берет на голове, прапорщик стал рассматривать знакомые лица.

– Гвардии матрос Волошин А. П. – прочитал вслух Костенко и задумчиво взглянул в совсем юные глаза, смотревшие с фотографии.

– Волошин, что ты плетёшься, как дохлая лошадь, на тебя ж девки смотрят, – цедил сквозь зубы Костенко, подбежав

к отставшему матросу. – Форму не позорь! Давай автомат и бегом в строй!

Реактивный дивизион возвращался с полигона, сегодня были стрельбы, они не удались, поэтому мрачный, как грозовая туча, комдив – грузный мужчина, лет сорока, на котором камуфляж трещал по швам, зычно кричал с бронетранспортёра, медленно ползущего по песку вслед за бегущими морпехами:

– Я вас научу, как мишень от неба отличать. Не хотите стрелять, значит, будем бегать.

До расположения части от полигона было километров десять, большая часть пути проходила по берегу моря, сверкающего лазурной синевой и бликами нещадно палящего солнца. Сапоги вязли в песке, но дивизион браво бежал по пляжу мимо восхищенно смотрящих отдыхающих. Однако вскоре комдив приказал свернуть в лес, который нескончаемым забором тянулся вдоль песчаной прибрежной полосы, там бравады поубавилось.

– Всё, больше не могу, товарищ прапорщик! – упав под ближайший куст, простонал Волошин.

– Можешь! Ты себя плохо знаешь, матрос, нет такого слова «не могу», есть «надо», поэтому ноги в руки и вперёд!

Волошин с трудом поднялся и, пробежав несколько метров, опять упал.

– Кривко! – крикнул Костенко, бежавшему рядом двухметровому сержанту.

– Я, товарищ прапорщик.

– Возьмите этого на буксир, а то сегодня весь день будем искусство бега осваивать, видишь, комдив какой злючий!

– Есть! – Кривко окрикнул матроса огромного роста и, подхватив упавшего морпеха под руки, они потащили его за собой.

– Спасибо Вам, товарищ прапорщик! – бледный, как поганка, Волошин взял автомат у Костенко после финиша. – Без Вас я бы помер.

– На то мы и морпехи, чтобы выживать там, где лучше умереть.

– Умирать не хочется, хотя там, в лесу я был не прочь, чтобы больше не мучится.

– А если в Ад попадёшь, я слышал ты у нас верующий?

– Какой я верующий, это мамка у меня, она верующая, а я так – не определившийся, – с грустью сказал Волошин и добавил, – Ада нет, там ничего нет, я сам в Библии читал.

Костенко вздохнул и сказал, обращаясь к юноше на фото:

– Теперь то, ты определился, Сашок?

Крепкий порыв свежего ветра со стороны моря, как глоток холодной воды в жаркий день, взбодрил уставшее тело, прапорщик снял чёрный берет с головы и зажал его в кулаке, потом медленно перешёл к другой фотографии. Озорная ухмылка, чёрные усы, нос картошкой и хитрый прищур глаз невольно заставили улыбнуться грустного морпеха:

– Ну, здравствуй, Петро! – обратился он к фотографии

с подписью «Гвардии прапорщик Коваленко П. Е.»

– Атас, братва, Упал-отжался идёт! – крикнул сержант Кривко, лежащим на койках, сослуживцам.

Все быстро вскочили, поправив смятые одеяла. Через пару минут, в казарме уже слышался зычный голос старшины.

– Шо за бардачище, вашу дивизию? У вас на перилах пылищи, мамонт пройдэ и завязнэ. Дэ дежурный? Кривко, ёк макарёк, ты чёго за порядком не глядишь?

Коваленко размахивал руками и продолжал ругаться так, чтобы его было хорошо слышно на всём этаже:

– Дневальный! А, це ты Волошин, а ну, упал, отжался, ёк макарёк!

Испуганный матрос медленно опустился на пол и стал также медленно отжиматься.

– Хто так отжимается, ёк макарёк? Ты отжимаешься чи палубу пузом протираешь? – прапорщик снял портупею, достал из кармана секундомер и, протянув запыхавшемуся Волошину, сказал, – Засекай минуту и считай!

– ... девяносто восемь, девяносто девять, сто! Время! – выдохнул матрос еле успевавший считать отжимания прапорщика, который, как челнок швейной машинки долбил кулаками деревянный пол казармы.

– Приблизно так, вашу дивизию! – Сказал старшина, одевая портупею. – Шоб через мисяц, Волошин, майстэром отжимання був, ёк макарёк!

– Петро, хватит хлопцев мучить, – Костенко, наблюдав-

ший подобную сцену уже не первый раз, улыбаясь, подошёл к старшине, протягивая ему руку. – Здорово! А зачем ему эта твоя наука?

– Та, шоб жизнь мёдом не казалась, вашу дивизию. Тяжко в чении – легко в гробу! Як прижмэ, пригодыться, ёк мака-рёк.

– А тебе, Петро, пригодилось? – грустно проговорил Костенко и перевёл взгляд на соседнюю фотографию. – Здравия желаю, Виктор Андреевич! Всё такой же красавец!

С фотографии смотрел молодой мужчина с голубыми глазами, прямой нос и точёные губы, подчёркивали эллинскую красоту статного атлета. Надпись гласила: «Гвардии майор Цыганок В. А.»

Новогодний мальчишник был в самом разгаре. В накуренной комнате – учебном классе по химзащите, за сдвинутыми в один ряд столами сидели офицеры и прапорщики дивизиона и внимательно слушали очередной тост комдива.

– За нашу чёрную работу, будь она неладна! Чтобы в новом году наши навыки негодились! – сказал он и одним глотком выпил спирт из алюминиевой кружки, потом вытер рукавом рыжие усы, крякнул от удовольствия и потянулся за тушёнкой.

– За неё родную! – буркнул Цыганок и тоже выпил, закусив килькой, потом повернулся к сидевшему рядом Костенко и заплетающимся языком грустно сказал, – Слушай, Серёга, а ведь командир прав, будь она неладна эта служба! Я

из-за неё семью потерял, жена меня бросила, зачем, говорит, мне муж, который дома не бывает. А ведь я так её любил, да, и сейчас люблю.

Цыганок вытер накатившую слезу и налил очередную порцию спирта в свою кружку, потом в кружку Костенко и сказал:

– Давай, прапорщик, выпьем за любовь! – потом повернулся ко всем и громко прокричал, – Давайте за любовь, стоя!

Захмелевшие морпехи встали и, чокаясь кружками, стали пить за любовь. С разноцветных стендов, развешанных по стенам, на них бесчувственно смотрели нарисованные солдаты. Они искусно одевают ОЗК и точно стреляют из автомата, ничего не боятся и никогда не ошибаются. Солдаты, которых не ждут дома, которые любят воевать. Солдаты, которые так не похожи на этих странных мужчин, пьющих за непонятную любовь.

– Серёга, я понял одно, – обняв за плечо Костенко, Цыганок прошептал чуть слышно, – никому мы не нужны. Не нужны жёнам, которых мы не видим. Не нужны командирам, которые не видят нас. Не нужны правителям нашим, которые не видят ни наших жён, ни нас, ни наших командиров. Я был в такой... и знаю...

Приложив указательный палец к губам, он зашипел, как змея, потом обречённо махнул рукой и опять взялся за фляжку со спиртом.

– Что же Вы знали, товарищ гвардии майор, чего не знаю я? – Сказал прапорщик и понуро опустил голову.

Ветер становился всё свежее, скоро стемнеет, к тому же заморосил противный холодный дождь, кусая ледяными поцелуйчиками разогретое за жаркий день тело. Костенко подошёл к началу стенда, капли дождя, словно слёзы, сползали по выпуклым буквам короткой надписи. Сглотнув подступивший комок в горле, морпех прочитал: «Вечная память однополчанам – Героям России, павшим смертью храбрых!»

Четвертьфинал

Тема: «Вещь во мне»

Соперник текст не прислал, но читатели проголосовали против всех, проигрыш 0:5.

Записки первого самоубийцы

Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем еще, что такое жизнь?

(Конфуций)

Совесть – это моральный светильник, озаряющий хороший путь; но когда сворачивают на плохой, то его разбивают.

(Гегель Г. Ф.)

Вот это вещь! – выражение удивления или

О, тот, кто даёт становиться, я славлю Тебя за пробившийся источник в безводной пустыне, опаляемой жарким солнцем! Ты, как искусный мастер, горсть земного праха превратил в плоть и вдунул в мои ноздри дыхание жизни. Назвал земляным человеком, потому что сделал из земной пыли. Ты утвердил мои кости, как могучие кедры, укутал их плотью, словно корою, и оплёл жилами, как крепкими лианами, наделил меня разумом (меня – горсть земного праха!) и посадил, словно виноградную лозу, на плодородную землю.

Я пою тебе песню о тёплом вечере, в котором затухает костёр солнца, пробежавшего за день всю ширь небесной реки. Оно укрыло место ночлега за высокой горой и готовится ко сну, чтобы завтра вновь начать бег от другого берега. Ты сгустил сумерки над моей головой и раскинул ночь, горящую множеством звёзд. Круглобокая луна выступает царицей на смену, спрятавшемуся за горами, старшему брату. Нескончаемые дни и ночи я буду благодарен тебе, мой Великий Отец, за это чудо!

Сад Наслаждения, в котором ты меня поселил, прекрасен! Мой дом подобен небесным чертогам, в которых живут твои сыновья. Он, как утренняя заря, купающаяся в горной реке, словно стадо белоснежных овец, пасущихся на сочных

пастбищах. Кипарисы и кедры – надёжные стены, синее небо укрывает меня вместо крыши, а душистые травы стелятся предо мною словно мягкое ложе.

Сам я подобен дереву, посаженному у потоков вод: моё тело подобно речному утёсу; мои руки крепки, как порывы ветра; мои ноги не знают, что такое усталость. Ты дивно устроил меня, расставил всё по своим местам, и нет недостатков в том, что ты сделал. Я вполне осознаю это!

Не хватит вечности, чтобы воздать тебе за чудный дар, который ценнее всех звёзд на небе! Жизнь прекрасна и я не устану говорить об этом, как не устают светить солнце и луна, как реки не устают нести освежающие потоки, так и я не устану хвалить и благодарить тебя, мой Великий Отец!

Что могу сделать я для тебя, чем могу воздать за чудные дары, за радость и веселье, которые переполняют душу? Духовением ласкового ветра ты ответил мне: «Будь послушен, сын мой, радуй сердце моё и живи вечно!»

Но, как я могу слушаться тебя, мой мудрый Отец, если ты всё разрешил мне, и нет ничего запретного для меня? Тогда ты подвёл меня к огромному дереву посреди сада и сказал: «Ты можешь досыта есть со всех деревьев в саду. Но не ешь с дерева познания добра и зла, потому что в день, в который съешь с него, непременно умрёшь». Теперь, каждый день твоя заповедь ведёт меня и радует моё сердце, я могу быть послушным, я могу радовать тебя! Жизнь – цена моего по-

слушания, у меня нет ничего ценнее. Ты поистине любящий отец, милость твоя не имеет пределов!

Как удивительны дела рук твоих! Ты протянул мерный шнур и установил краеугольный камень земли, благодаря твоей мудрости и безграничной силе все звёзды знают свои места на небе. Ты собрал их в созвездия и заставил освещать непроглядную темноту ночи. В твоих руках сосуды воды, которые опрокидываешь в нужное время на землю, чтобы поить её.

Ты дал страусу перья, но не научил его летать, когда он высоко поднимет крылья, то посмеётся над конём и его всадником. Ты наделил силой коня, увенчал его развивающейся гривой, он бьёт копытом в долине и торжествует в своей силе. По твоему приказанию орёл взмывает ввысь и на скале устраивает своё гнездо в недосыгаемом месте. Вот бегемот, ты создал его, как и меня, он ест зелёную траву, как бык, сила его в бедрах и мощь в сухожилиях его живота.

Я долго наблюдал за делами твоих рук и дал имена всем животным, но не нашёл себе пары – достойного помощника и спутника жизни. Ты мудр, Отец мой, и знаешь, когда входить и выходить, внутренний голос, который ты дал мне, ведёт по дороге жизни, твоё слово освещает мой путь. Знаю, что целую вечность я буду восхищаться твоей мудрости, даже если хранилище света опустеет, не будет конца ей, и милость твоя не оскудеет!

Ты прекрасна, подруга моя! Ты прекрасна! Ты плоть от плоти моей, ты кость от кости моей. Я назову тебя женщиной, так как ты взята от мужчины. Глаза твои голубиные, словно синь неба, раскинувшегося надо мною. Волосы твои, как стадо скачущих коз, спешащих к водопою. Зубы твои, как белые лебеди, которые плавают в чистом озере. Губы твои спелые ягоды, сочатся сладким соком и речь твоя приятна мне. Шея твоя, как стройный кипарис, увитый лианами. Груды твои как две газели, резвящиеся среди лилий. Ты прекрасна, подруга моя, и нет в тебе изъяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.